

ИНОАФИША

Экран и сцена. — 1991 — 9 мая (№ 19) — с. 12.

ПРОФИЛЬ КУМИРА

Лучано ПАВАРОТТИ:

«Если бы я не прикоснулся к смерти два раза, то не был бы оптимистом»

«Рената, пять минут на спагетти!» Развалившись за столом на террасе своего маленького дачного дома, великий тенор Лучано Паваротти командует. С упрямством, с удовольствием и с ласковым раздражением. Каждому из гостей — время от времени их собирается на террасе предостаточно — он наливает по бокалу «одичавшего винограда» — любимого вина своей страны. И, чувствуя, что не жарко (а всего-то 17 градусов тепла в тени), приказывает мне достать для меня же из его дорожного рюкзака теплые гетры из красной шерсти», — пишет в журнале «Пари-матч» Жизель Галант.

Сидим же мы на вилле Россини в Пезаро, в доме, где Лучано Паваротти обычно проводит отпуск. Это довольно-таки старая ферма, затерявшаяся на холме прямо возле моря. Внизу, размытый милостью проливного дождя, угадывается пустынный пляж.

Иногда Лучано просит нас помолчать. Его слух должен отдохнуть от бесконечных разговоров.

Если Паваротти не в своей нью-йоркской квартире, если он не в собственном доме, сохранившем дух XVIII века, если он не в гастрольном отеле, то, значит, здесь, на террасе. С нами, со своей женой Адюа и тремя дочерьми — Лоренцей, Кристиной, Жулианой. Не так давно Лучано приобрел новую яхту. Это обязывает тенора регулярно совершать прогулки по морю, предаваясь неторопливой ловле макрели и вокалу.

— Я повторяю роль Отелло и трачу уйму времени, размышляя об этой партии. Нужно вникнуть в каждую музыкальную фразу, дойти до сути, «обглодать» ее. Я пытаюсь стать все более и более ревнивым, как настоящий мавр. Мне сложно. В действительности ведь я никогда не испытывал истинной ревности. И вообще, наверное, мне не стоило соглашаться на увековечение этого образа. Хотя не могу не признать, что Отелло меня волнует и будоражит мою фантазию. Я обожаю риск. Некоторые из моих коллег никогда бы не взялись за партию мавра. И, возможно, они правы: с нашей профессией эксперименты плохи.

Когда мне было десять лет, я обожал бежать за машиной, неважно за какой и неважно куда. Зато я говорил сам себе: «Если внутри машины — гангстер, он обязательно начнет стрелять. Но я не упаду, я побегу дальше». Это мое желание упиться опасностью затянулось и до сегодняшнего дня. У нас в Италии подобное состояние называют умением «пройти сквозь зеркало».

Есть в моей личной жизни и еще одно качество. Я ненормальный человек. Тенор — узник своего голоса. Зимой, чтобы, не дай-то бог, не простудиться, приходится сидеть безвылазно дома. За день до спектакля сплю как сурок в течение долгих часов, запрещая будить меня. А этот шейный платок, который я никогда не снимаю, ублажая собственный голос! А три стакана лимонада, которые регулярно приходится выпивать в течение дня, чтобы подсластить его!

В это самое время на стол ставят огромную тарелку пахнущих базиликой спагетти, и глаза тенора загораются.

— Шесть первых месяцев жизни определяют всю человеческую жизнь. Я рос в большом старом доме на окраине города, окруженный мамой, бабушкой, двумя тетями и постоянной заботой. Я с первого своего всхлипа начал оправдывать их желания и надежды. Все, что я ни делал, я делал так, как они хотели. Это со временем дало мне ощущение собственной непобедимости.

Я оптимист к тому же. Скорее всего по той причине, что был подле смерти два раза. Впервые в возрасте двенадцати лет, когда не мог почти две недели выйти из состояния комы. (Помог мне тогда в последнюю секунду пенициллин). Другой раз самолет, летящий в Милан, раскололся пополам, сбившись с траектории. Мне было тогда пятнадцать лет.

После этого уже никого не удивит, что я люблю жизнь и пытаюсь проживать время как можно энергичнее!